

Не та цапля — эпизод 1 из 4

Теперь-то я на пенсии живу. Ребята мои крепко настаивать стали:

— Посиди ты дома на старости лет. Гляди-ка, внуков у тебя, почитай, на целый взвод. Старшие уж выросли и на войне побывали. Пусть хоть младшие узнают, какие у людей дедушки бывают.

Добили-таки. С внучатами занимаюсь. Показываю им то-другое. Рассказываю тоже. Целой стайкой когда с приятелями своими налетят. Мне забавно, и ребятам, думаю, не без пользы. А все-таки тянет меня на завод-то. Нет-нет и сбегаешь поглядеть, как там по нынешнему положению правятся. Большое, вижу, облегчение человеку вышло, и работа много скорее идет. Иной раз и то подумаешь: случись надобность, могу и я пригодиться. Что у меня нога колчаковцами покалечена, не разгибается в полную меру, — это в нашем деле помеха небольшая. Глаз, понятно, отупел, а все-таки служит. Ну, а в руке твердость есть и привычка большая. Да и как ей не быть, коли я на этом деле с малолетства.

У нас, видишь, семейное горе случилось. Отцу валом руку раздавило. К этому болезнь присунулась, и он вскоре помер вовсе еще в молодых годах.

Кормильцами остались мы с дедушкой, а тут все женская часть: мать, да бабушка, да четыре сестренки. Одна постарше меня, а три вовсе маленькие. Дедушко уж старый был. Он тоже с тятей покойным в механической работал, а дома маленько мелким делом занимался: замки, какие похитрее, направлял, часы починивал. Заводское начальство в пенсии нашей семье отказало: не от увечья, дескать, помер, а от божьей немилости — от болезни. В одном поблажку сделали: приняли меня до законного возраста в ученики на механическую, только наказали: коли фабричный инспектор спросит, говори, что тебе тринадцатый год. А матери сказали:

— Выучится парнишка на слесаря — вот тебе и пенсия, а судиться вздумаешь — хуже будет.

Так я и стал с десяти годов дорожку в механическую торить. Теперь хоть завод много расширился, а на том же месте. Сами ноги туда идут.

Поступил тогда учеником к Игнатию Васильичу Ширыкалову. Он дружок покойному отцу был. Жалел, видно, меня. Хорошо учил. Другим ребятам ученье трудно приходилось, а я не пожалуюсь. Понятно, порядок требовал, браку не пропускал, заставлял доделывать либо вовсе переделывать, только не

с рывка да тычка, а по-хорошему обскажет, что надо сделать, и своей рукой покажет. Ну, и сам я по сиротству без баловства учился — старался. Мать к этому же наставляла: «Учись, сынок!» А дедушко опять к своему мелкому домашнему делу приучал: пригодится, дескать. И то сказать, он к тем годам глазами ослабел, ему и надо было глаз повострее, чтоб всякую пружинку, винтик, колесико толком разглядеть, а мне это как раз впору. Так и шла моя выучка с двух сторон. Игнатий Васильич похваливать стал:

— Вовсе ладно. С добрым слесарем вровень.

Когда пошутит:

— По годам-то ты — Кузя, а по делу на Кузьму Осипыча выходишь!

По времени стал говорить надзирателю: пора, дескать, из учеников в слесаря перечислить.

В надзирателях по механической тогда Коготок был. Старик вроде и простой, а злопамятный и любил человека при случае царапнуть. Сперва он и слушать не хотел:

— Из милости его приняли. До слесаря-то ему еще долго нос тянуть.

Игнатий Васильич все-таки свое твердит:

— Не по годам считают, а по работе. Вот гляди! Чем он хуже других?

— Сам, поди, пособляешь. Дружки ведь с Осипом были. Водой не разольешь. Вот и вытягиваешь парнишку до времени.

— Сам проверь, — увидишь, что глаз у парня на редкость и рука несет правильно.

— Твои-то, — отвечает, — выученики всегда муху на колокольне видят, а под носом у себя разобрать не могут. Давно ли у него срез гармошкой я видел.

— Больше полгода с той поры прошло, — говорит Игнатий Васильич. — Забыть об этом пустяке надо. Дело, конечно, твое, а только неправильно это, чтоб зря человека в учениках держать, когда он за полного слесаря работу справляет.

Коготок, видать, осердился и говорит:

— Коли на то пошло, сделаю проверку.

Потом говорит мне:

— Сделай-ка ты мне цаплю-двухсторонку, на плотину поставить. Размер знаешь, железо сейчас получи. Работа не больно трудная. К послезавтраму чтоб готова была!

Это Коготок верно говорил, что работа не больно мудреная, да только на две стороны приходилось оглядываться. Без старанья сделаешь — Коготок подрежет:

— Какой ты слесарь, коли такую известную вещь толком сделать не умеешь!

Старательно сделать — от рабочих покор:

— Вишь какой, — скажут, — барский угодник выискался. Кандалы такому закажут, так он и там цветочки пристроит, чтоб веселее казались.